

ВОСПОМИНАНИЯ Н. П. РУБАКОВОЙ

ПОД ЧУЖИМИ ИМЕНАМИ

Начну я с истории моих предков – дедов-прадедов. Бабушка моя, Сергеева Акулина, и дед, Григорий Сергеев (у бабушки была поговорка «Горе, горе – муж мой Григорий»), жили в нынешнем Красноярском крае, в деревне Малый Ададым, куда приехали из-под Курска, из села Крутое. Вместе с другими переселенцами они и основали деревню. Ехали переселенцы наугад, до этого посылали в Сибирь ходоков, но неудачно. Крестьяне ненавидели царя и в Сибирь бежали от податей. Множество семей приехало на простых подводах. Обосновались они быстро там, где нашли хорошие пашни, покос и реку, и были довольны переселением. Местные прозвали их «крутовскими».

У бабки с дедом было шестеро детей: Марья, которая умерла в детстве, Аксинья, Анастасия – высокая девица, мать моя Анна (родилась в 1903 году) и два сына – Василий и Иван. «Крутовские» девки были здоровыми, красивыми, полными, фигуристыми, хорошо пели, плясали, имели красивые голоса и густые волосы. Они умели хорошо прясть и ткать. У них были собственные ткацкие станки, так что нательное белье и полотенца в доме были самоткаными.

Хлеборобы Сергеевы были очень работающими, имели хороший новый дом, держали овец, коров. Они торговали в Ачинске и Назарово, катали валенки и отдавали кожи на сапоги. Однако в городе редко что покупали, жили своим хозяйством. Девиц лет в 16–17 отдавали замуж.

Мать мою Анну засватали и увезли в Назарово, когда ей исполнилось 16. Вышла она за Павла Рубака. Но это имя не настоящее, звали его на самом деле Порфирий, – имя потом изменили, когда бежали из тайги со спецпоселения. Дед мой – Афоня Рубак – родился в Назарово, там и жил. Был он кабацким пьяницей, немало горя доставил Катеньке Борзаковой – своей жене. Катенька лежала при смерти, а он заметил, что свинья, оставшись без присмотра, сожрала новорожденного ягненка, одну голову оставила. Так он эту голову Катеньке в постель кинул как упрек. Когда она умерла, Афоню никто не хотел принимать, но потом папа пустил его к себе в баню. Про деда Клементия – отца Афоню – говорили, что он разбойником был. И Катенька была женщиной непростой, ее сослали в Сибирь из-под Смоленска на каторгу, – она топором зарубила первого своего мужа, голову ему снесла за издевательства над семьей.

У Катеньки был сын Герман от первого брака, которого она привезла с собой в Сибирь. Герман Борзаков был полицейским урядником. После революции он скрывался, его не поймали. Но в первые годы советской власти его пытались переманить на свою сторону революционеры. Он к ним не пошел и пострадал за то, что высказывал свое мнение. Большим человеком он не стал, а позже и вовсе сгинул.

Афанасий и Екатерина были середняками: держали лошадей, коров, имели соху. В Сибири от Афоню Катенька родила Дарью, Ирину (она же тетя Ариша) и моего папу Павла в 1896 г.

Мой папа был на первой мировой войне, где его ранили в ногу. Афоня же воевал с Колчаком под Новониколаевском, в тех местах, куда позже волей судьбы приехали мы. Он говорил, что в годы гражданской войны были сражения на южной окраине города, на речке Камышенке. С тех пор там остались две большие братские могилы красных. Белые тогда двигались из Новониколаевска, а красные пришли со стороны Матвеевки. Афоня, конечно, был красным.

Мои родители Анна Сергеева и Павел Рубак поженились в 1921 г. У них было свое хозяйство: сеяли пшеницу и продавали в Ачинске. Земли у них было около трех гектаров. Году в 25-м Павел построил новый дом для своей семьи. Тогда гадали старинным способом на то, как будут жить хозяева в новом доме: вешали литровую бутылку с водкой к центральной балке. Бутылка у Павла упала и разбилась. Это был недобрый знак. Павлу сказали, что не жить ему в этом доме. В новом доме прожили мы только шесть лет. За эти годы у меня родились сестры Зоя, Дуся и брат Петр.

Беда пришла в 1928 г. Павла не взяли в колхоз. Мы попали под разнарядку, и в двадцать девятом году папу «забрали». Мы оказались «кулаками». В мае 1930-го, в Троицын день, выгнали всех назаровских «кулаков» (из многих деревень) на площадь. Всего набралась 1000 семей: таков, говорили, был план по раскулачиванию. У каждой семьи было по две подводы, то есть по две лошади.

Павлу и Юргатову Егору дали знать, что их семьи едут в тайгу. Тогда они бежали из тюрьмы. Когда они бежали, их дорога пересекала Чулым – реку быструю, горную, ледяную. В них стали стрелять, тогда они пошли по дну Чулыма и потерялись в реке. Пока они до дома добрались, там уже никого не было. Догнали они своих родных уже «на задах». Многие женщины ехали в тайгу без мужчин. Деда Афоню никто не отправлял вместе с нами. Мне было семь лет, и я помню, – подводы уже тронулись, когда прибежал Афоня:

– С вами поеду, кому я здесь нужен.

Мы три месяца ехали в тайгу. Это был страшный путь. Дороги не было, пробирались по болоту. Рубили деревья и стелили бревна, прокладывая путь. Грязи было по колено. Тут-то мы всякого насмотрелись. Помню рыженького дохлого жеребенка в ка-

наве. Родила его кобыла, он не выжил, его и бросили. Не знали еще, что в тайге будет подыхать лошадь, ее будут хоронить, а потом раскапывать и от голода сжирать! В дороге умирали дети. У Бонимовой их было трое – умерли все, а сама она заблудилась в тайге. В пути родился у кого-то ребенок; не успели оглянуться, как уже торчит из земли маленький крестик. Шел старик за телегой, за сундук держался – ему места в телеге не хватило. Он помер по пути, его в этом сундуке и закопали.

На станции Крутое у нас отобрали лошадей, – сказали, что для нужд государства. Пошли пешком. Там, куда нас пригнали, находился поселок Киселевка, в котором жили кержаки¹. Поселок был маленьким – всего шесть домов. Кержаки бежали дальше в глубь тайги и продавали свои дома. Назаровские купили один дом на восемь семей и сделали к нему пристройку. Благодаря этому дому мы и выжили. Киселевка находилась в Тегульдетском районе современной Томской области. Селенья здесь были крайне редкими, и в здешней глуши мы даже видели северное сияние.

В Киселевке начался голод. Богатые кержаки оставили пасеку, так ее съели вместе с пчелами и сотами. На взгорье мы нашли амбар, где кержаки хранили пищевые припасы. А когда они узнали, что едут ссыльные, стали сушить сухари и прятать дома по углам. Мы потом эти сухари искали и ели. Ссыльные построили барак на два хода. В каждой половине поселилось по четыре семьи. Кто-то вырыл землянки, кто-то из березы построил тонкостенный домик, – все эти люди зимой померзли, а было их немало. Люди умирали от голода и холода. Из тысячи семей уцелел десяток. Многие не выдерживали артельных работ. Мужики вешались. Юргатов уехал на золотые прииски, но это обернулось бедой. Сам-то он выжил, но при переплытии через Енисей дети его утонули, – лодка перевернулась.

В тайге была тяжелая работа. Ссыльные освобождали землю под поля, собирали смолу, корчевали пни. Женщины заготавливали пихтолапку, гнали из нее пихтовое масло, – это был тяжелый труд. Также гнали деготь. Работали и дети. В берестяные

¹ Кержаки – название части русских старообрядцев в Сибири, происходит от р. Керженец в Поволжье, где когда-то жили их предки. Они старались жить обособленно и потому уходили в малонаселенные места.

коробочки мы собирали смолу, трудились на прополке. Мужики ездили в ямщины – привозили обратно муку и сахар. Но голод не прекращался. Я видела, как родители замуровывали золото в косяк, много золота. Но оно пропало к моменту нашего бегства из тайги.

В тайге росла черемша (колба). Ее солили, варили из нее суп. У меня была медная тарелка, когда я из нее ела, меня мучило, но сказать об этом я не смела. Папа не допускал жалоб. Один раз Петя спел за столом песенку, так папа так ему в лоб кулаком задепил, что тот из избы вылетел. Тут-то мать взревела, пожалела Петьку.

Мы ходили за кедровыми орехами, сбивали молотками шишки. Однажды блудили по тайге и нашли амбар с кержацкими запасами орехов, а в другой раз нашли амбар пушнины. Шишки мы от голода грызли вместе с кожурой. Я все зубы «съела». Шишки не так просто было достать, и птицы-кедровки выклевывали орехи. Ели мы и кедровый цвет. Рыбы в реке не было. Доводилось есть медвежатину. Но если медведя охотники завалят, – съедали на месте. Охотники были родом из Зырянска. Они ловили косачей, глухарей, тетеревов. Собирали грибы, конечно. Мама имела на них особое чутье. Нам давали паек – сахар и муку. Но этого было очень мало. Зимы стояли в тайге лютые, все время по сорок градусов, и многие погибли от холода.

Мы росли дикими, в нищете. Платья из половинок носили. Видели страшных зверей. Медведь-шатун однажды зимой залез на крышу и топтался по ней всю ночь. Как мы его боялись! Другой раз ел медведь малину в кустах – то-то мы оттуда бежали. Зимой лущеные орехи стояли в мешке в углу избы. Мы играли, кто глубже руку засунет, и рассыпали орехи. Нам попало, потом это много раз повторялось. На люльке качались, пока мама не видела, роняли эту люльку. Мама в тайге родила еще двоих детей – Васю и Варю. Варю нянька до смерти напугала, когда та еще была совсем маленькая.

Тогда пели вот такие жалобные песни:

Уж бедные, бедные крестьяне!
Пострадали в тридцатом году.
У вас хлеб и скота отобрали,
А самих посадили в тюрьму.

Заброшен судьбой в далекие края,
Лишен драгоценной свободы.
И так пропадает вся юность моя,
Пропадут мои лучшие годы!

В неволе сижу, на волю гляжу,
А сердце так жаждет свободы.
Товарищи, друзья,
Не смейтесь надо мной,

Быть может, и с вами случится!
Сегодня герой,
А завтра с семьей
Быть может, придется проститься!

Я с двенадцати лет погибаю,
Пролетают веселые дни.
Верю: даст Бог, вернусь я на волю
И верну свои красные дни.

Я не знаю, за что я страдаю.
Пайка хлеба с горючей слезой.
Глухари, вы, таежные птицы,
Унесите меня вы домой.

Ты скажи мне, тайга дорогая,
Сколько лет я с тобой буду жить?
До земли ветер ветки склоняет,
А тайга все шумит и шумит.

В то же самое время пели и советские песни: про Ленина, про пионеров, те, что успели выучить в школе. Но звучало много всего антисоветского. Была в ходу частушечка про петуха, мол, залетел он в сенцы: «Помирайте с голоду, спецпереселенцы!» ...

Так прожили мы в тайге шесть лет. Нам говорили, что ссылка всего на пять лет, и по истечении этого срока выжившие засобирались домой. Но людей обратно не пускали – ловили и возвращали. Тогда родители решили бежать тайно.

Любимым ребенком у них была Дуся. Она была красивая, толстая. Ей уже исполнилось восемь лет. А мне было двенадцать. Летом мама и папа взяли Дусю и вместе с ней пошли в Ачинск, а меня с Петей (семи лет) и трехлетним Васей бросили в тайге с условием, что потом я с ними сама выберусь из тайги. По глупости родители возвращались домой. Я же через некоторое время со старухой Сохачевой и детьми тоже отправилась в путь.

По дороге нас ловили и возвращали дружинники, мы вралли, что идем в больницу, и снова шли, шли целое лето. В одной из деревень остановились. Петю и Васю уже зимой через милиционера Иванова мне удалось сдать в детский дом. Так с Петей мы расстались на долгие годы, а Васю потеряли навсегда. Потом, добравшись до Ижморки, сели мы на паровоз и поехали в Ачинск. Там мы узнали, что родителей уже поймали и посадили. Было это в 37-м году.

На окраине Ачинска находился еврейский колхоз «Равенство». В этом колхозе Дуся, когда родители оказались в тюрьме, стала работать подпаском. Они вместе со старым евреем пасли баранов и овец. Я мыла полы. Когда кончились сезонные работы, я получила деньги и пошла купить гребень от вшей, но деньги у меня украли. У Дуси тогда появились розовые носки и черные ботинки, но их тоже скоро украли.

Мы ходили смотреть на родителей, которые тут же сидели в тюрьме. Мы знали, что людей там расстреливают, и они падают прямо в Чулым. В 1937-м мы видели отца в последний раз на прогулке. Он успел сказать матери, что их «гонят на Новую Землю». Совсем недавно мы узнали, что в действительности его расстреляли в том же тридцать седьмом как врага народа. А по похоронке он умер в тюрьме в войну. Мама говорила, что во дворе тюрьмы рыли большие ямы и туда бросали тела расстрелянных.

Заключенных жестоко пытали, зажимали дверями руки, били, обвиняли людей в том, что они шли против советской власти. Отец был безграмотным, не мог прочесть приговор и подписал его, не вынеся пыток. Мать спаслась от смерти. Она прочла приговор и не подписала его. Пытки ее не пугали, — у нее ужасно болели зубы. От этой боли она ничего не слушала, сидела в камере и выла. Но и для нее нашлось суровое наказание. Матери дали семь старух и отправили всех их во вторую таежную ссылку, в Берлюсы. Берлюсовский председатель взглянул на этих ссыльных и сказал:

— Куда мне вас девать? Вы раздеты, разуты, кормить вас нечем, жилья нет, работы тоже.

И отправил мать со старухами восвояси, пешком. Они отправились обратно по тайге. Местность была болотистая, старухи падали и тонули. Все семеро старух погибли в тайге, мать одна вышла. И направилась обратно в Ачинск, где оставались мы — ее дети.

Тем временем нас, как сирот, советская власть стала «пристраивать». Дусю определили в детский дом, а меня — работать на мясокомбинат. Мы в тот день отправились по местам своего назначения, переходили мост, и вдруг Дуся закричала: «Мама!». Нам навстре-

чу – и правда – шла мама. Это было чудо, что мы встретились. Сколько было радости! Но мама должна была скрываться, ведь она якобы находилась в ссылке.

Тут и начались наши новые скитания. Вместе с мамой мы поехали в родные места, надеясь устроиться няньками или прислугами. Родственники, которые жили в Назарово, помогли нам: накормили, отмыли, приютили. Дусю пристроили жить к тете Арише. Она в те годы работала сиделкой в больнице. Ее муж Парфен был лодырем, жили они вместе плохо. У Ариши было четверо детей, и она вовсе не по-доброму относилась к Дусе. В школе Дусе, как бедной, дали пальто, так Аришины дети его отобрали. Из школы пришли разбираться, когда заметили, что сирота ходит в старье. Начались скандалы. Ругались всю зиму. Я пристроилась нянькой к учительнице. Ее в Назарово прозвали Бабой Ягой, – была она злая и ленивая. Меня она заставляла полоскать белье зимой в ледяной чулымской воде, после чего я простыла, у меня начался ревматизм. Так мы скоротали зиму.

А летом мы поехали в Крутоярский зерносовхоз и все трое работали на прополке пшеницы. Наша средняя сестра Зоя избежала ссылки. В момент, когда нас угнали в тайгу, Зоя гостила у тети Насти. Там она и осталась на несколько лет. Когда объявилась мать, Настя выгнала Зою. Вчетвером мы поселились в совхозе, в вагончике, – думали, что здесь нас не найдут. Мама устроилась работать дояркой, и все бы ничего, но тут появился Миша – пьяница и побирושка из Назарово, наш бывший батрак. Он стал свататься к маме. Мама совершенно не хотела с ним связываться, но это было очень опасно, ведь он мог «сдать». Пришлось нам снова бежать.

На этот раз мы отправились к Аксинье – маминой сестре, которая жила в Новосибирской области около Черепаново. Мы просто прыгнули на поезд и тайно уехали. В селе Никоново пристроились работать на мельнице, потом пожили на хуторе, а вскоре нам помогли перебраться в Новосибирск, точнее, на Кролятник².

² *Кролятник* – пригородное хозяйство, располагавшееся за Иношенским бором, в районе современной ул. Виллойской. Возник в 1925 г. как поселок Китайские Бахчи. Первопоселенцы – китайцы, занимавшиеся разведением кроликов и садовой клубники (в 1926 г. – 6 хозяйств, 15 человек). В конце 30-х, по воспоминаниям старожилов, китайцы были изгнаны. Длительное время затем поселок существовал как плодово-ягодное хозяйство. Вошел в черту города в послевоенный период.

Кролятник – маленькое хозяйство на окраине Новосибирска, за бывшей деревней Инюшкой – жило птичником и клубникой. Нам здесь негде было остановиться. Измученная мама решилась на отчаянный шаг: пошла к председателю и выложила ему все начистоту о своем происхождении и горькой судьбе. Он мог запросто нас выдать, но сжалился и предоставил место в «общежитии» – домике на три «квартиры» с ужасными бытовыми условиями.

У нас ничего не было, мы были просто нищими. Дуся в школе писала обломком карандаша, который нашла на улице. А ведь наш папа мечтал, что его дочери станут учительницами! Мы подделывали документы, меняли имена и фамилию. Наша настоящая фамилия – Рубак, мы же переписались на Рубаковых. Из Насти я стала Надей. Поменяли мы и отчество, стали не Порфирьевны, а Павловны. Дусины метрики так испортили, что ими нельзя было пользоваться. Без документов она не могла зарегистрировать свой послевоенный гражданский брак. Только по причине позднего срока беременности Дуси им с Василием выдали свидетельство о браке, а по нему сестра получила паспорт.

Мы приехали на Кролятник 6 июня 1940 г., успели посадить и вырастить картошку, и началась война – новое испытание судьбы. Мы тяжело работали всю войну. Нас с Зоей определили на завод «Сибсельмаш», туда с правого берега ходила только электричка. Приходилось вставать слишком рано, мы изматывались. Утром полусонная Зоя падала на кровать и качалась, – ей чудилось, будто она трясется в поезде. У меня по дороге несколько раз воровали паспорт, когда я засыпала. В четырнадцать лет Дуся устроилась работать в военную швейную мастерскую на улице Большевицской. Праздник был, когда она приносила обрезки ткани.

Мы были на грани выживания, однако держались: надеялись на лучшее, не стали развратницами, не записались, как многие. Война закончилась, и кое-что изменилось. В сорок шестом все мы вышли замуж, – я за Алексея Каплина, а Зоя с Дусей за братьев Саченко из Инюшки, но это – уже другая история.

В заключение в двух словах скажу, как мы нашли младшего брата Петю. После детского дома Петя попал в тюрьму, стал рецидивистом. Куда исчез Вася, Петя не в состоянии объяснить, – может быть, потерялся, может, умер. Но на потере брата Петя помешался, стал выдавать фантастические версии его исчезновения. Когда он увидел фильм «Ночевала тучка золотая», заплакал и сказал, что это кино о нем и Васе. В Красноярске, где Петя устроился на стройку после тюрьмы, его по внешности опознали наши назаровские род-

ственники (Петя очень похож на отца). Ему рассказали, что он вовсе не Рыбаков, как в детском доме записали, а Рубак, и написали маме письмо. Так мы нашли Петю, встретились.

Мама жила со мной в Новосибирске, но, когда Петя нашелся, уехала на родину в Красноярский край. В Назарово она пошла посмотреть на свой дом. В нем располагался детский сад, а одно время была какая-то контора. Надо было прожить мамину жизнь, пройти через все испытания маминной судьбы, чтобы понять, о чем она думала, когда стояла под крышей родного дома, а незнакомка ее спрашивала:

– Женщина, что вам нужно, и зачем вы пришли?

Мама тогда молчала. Что ей было сказать? Несколько лет назад нас реабилитировали, но если бы не эта ссылка, все в жизни могло быть иначе.

Меня спросят, ненавижу ли я советскую власть? Советская власть отняла у меня родителей, погубила мое детство... Но уже при новой власти погибли мои дети... Мы никогда не высказывали плохого отношения к власти. Пели революционные песни, но в то же время знали и много всего антисоветского. У каждого поколения были свои войны, свои бедствия. Из всего этого и состоит история жизни. Одни люди рождаются, вырастают, живут, другие умирают.